

Духовный Вестник

15-го Юня № 12. 1908 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Абсолютизмъ или релятивизмъ?

Въ наши дни или совершенно отрицательнаго отношенія къ религіи, или полнаго индифферентизма ко всему, что имѣеть какое-либо соприкосновеніе къ ней, или же, наконецъ, такого пониманія религіозной жизни, по которому все существо ея сводится къ выполненію тѣхъ или другихъ ритуальныхъ требованій, стоящихъ въ извѣстной связи съ бытовымъ укладомъ жизни,—съ чувствомъ живого интереса и глубокаго удовлетворенія читается помѣщенная въ январской книжкѣ „Трудовъ Кіевской Д. Акад.“ статья проф. П. П. Кудрявцева подъ заглавіемъ: „Абсолютизмъ или релятивизмъ“, дающая опредѣленное понятіе объ истинномъ содержаніи подлинно-религіозной жизни.

По библейско-церковному представленію, Богъ есть *πλήρωμα τῶν ἀγαθῶν* (Григорій Нисскій), или *θησαυρὸς τῶν ἀγαθῶν* (церк. пѣсн.). Это означаетъ, что Богъ есть существо самосущее (Исх. III, 13—14), обладающее полнотою совершенствъ (по средневѣковой философской терминологіи—*ens perfectissimus*). Будучи самобытнымъ и всесовершеннымъ, Богъ служитъ источникомъ бытія для всего существующаго, и въ силу этого все тварное бытіе (=міръ) въ процессѣ своего существованія только осуществляетъ премудрыя планы Божественнаго Разума и исполняетъ Божественную же, святую Волю. Въ этомъ именно и заключается весь смыслъ міровой жизни.

Въ частности, человекъ, работая надъ реализаціей въ своей жизни и дѣятельности потенциально заложеннаго въ себѣ образа Божія, активно уподобляясь Богу, тѣмъ самымъ въ объективномъ смыслѣ прославляетъ Бога (I Кор. 14, 20), а въ субъективномъ — находитъ высшее блаженство личное. И тогда только человекъ является собственно человекомъ, когда онъ именно въ Богѣ полагаетъ *πλήρωμα τῶν ἀγαθῶν* или, выражаясь языкомъ современной философіи, — средоточіе абсолютныхъ цѣнностей. И разъ только жизнь человека отъ центра обращается къ периферіи, отъ Безусловнаго къ условному, то она утрачиваетъ свой человѣчскій характеръ, и если еще даетъ извѣстныя наслажденія, то лишь такія, которыя очень скоро смѣняются „глубокой печалью“ (Спиноза) и вызываютъ суровый приговоръ надъ всей вообще жизнью: „все — суета и томленіе духа“ (Екклезіастъ).

Если Богъ есть *πλήρωμα τῶν ἀγαθῶν*, то понятны заповѣди ветхаго и новаго завѣта — Богу только одному поклоняться, Ему одному служить, Его одного любить, и любить всеѣмъ сердцемъ, всею душою и всею силою. Богъ абсолютное бытіе, обладающее абсолютною цѣнностію, а абсолютное требуетъ безраздѣльной преданности („если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, мало того — и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ“, Лк. XIV, 26) и безповоротнаго служенія („кто, возложивъ руку свою на плугъ, озирается назадъ, тотъ не приспособленъ для царства Божія“) (Лк. IX, 62.).

Такъ съ библейско-церковной точки зрѣнія нужно представлять нормальное направленіе человѣческой жизни. Его по справедливости можно назвать *теоцентрическимъ*, потому что при немъ центромъ жизни является Богъ (Θεός), а самая эта жизнь можетъ быть названа богослуженіемъ (не въ техническомъ смыслѣ слова), потому что, вся она направляется къ осуществленію девиза: „Господу Богу Твоему поклониши ся, и Тому единому послужиши“ (Втор. 17, 13; Мѡ. IV, 10).

Но жизнь человеческая становится ненормальной и из богослужения обращается в идолослужение (въ широкомъ смыслѣ слова), когда, какъ сказано выше, точка приложенія человеческихъ силъ переносится изъ центра на периферію, когда тварь поставляется на мѣсто Творца и условное на мѣсто Безусловнаго. Приходить же это въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-либо изъ потребностей эмпирической природы человѣка (похоть плоти, похоть очей или „гордость житейская“, Іоан. 11, 16) беретъ верхъ надъ болѣе возвышенными потребностями. Въ этомъ случаѣ предметы, служащіе удовлетворенію той или другой низшей потребности, получаютъ въ глазахъ поработеннаго ей человѣка безусловную цѣнность и имъ—условнымъ—усваивается значеніе безусловное. И такъ какъ, удовлетворяя извѣстной низшей своей потребности, человѣкъ служитъ собственно лично *себѣ*, своему эмпирическому *я*, то жизнь его получаетъ эгоистическій характеръ, хотя пока здѣсь можетъ еще и не быть эгоизма принципиальнаго. Последній является тогда, когда человѣкъ возводитъ въ абсолютъ свое собственное *я* и принципиально отвергаетъ все, стоящее выше его. Въ этомъ случаѣ человѣкъ становится уже на путь гордости, въ концѣ концовъ приводящій къ богоненавистничеству. Это—тотъ страшный путь, которымъ въ началѣ міровой жизни прошелъ „первый свѣтоносецъ“, а въ концѣ ея пройдетъ „человѣкъ грѣха, сынъ погибели“, антихристъ.

Таково второе направленіе жизни. Въ противоположность первому, оно можетъ быть названо *эгоцентрическимъ*.

Между двумя указанными направленіями идетъ нескончаемая борьба. Начавшись въ мірѣ ангельскомъ, она стала закономъ и человеческой жизни: „вражду положу между тобою (змѣемъ) и женою, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ ея“ (Быт. III, 15). Картиной второго пути жизни искушалъ нѣкогда дьяволъ и самого Іисуса Христа. Конечно, въ душѣ самого Богочеловѣка эта картина не вызывала ничего, кромѣ рѣшительнаго отверженія ея, почему онъ и сказалъ дьяволу

твердо и повелительно: „отойди отъ меня, сатана“ (Мѡ. IV, 10). Испытаніе Христа имѣетъ типическое значеніе въ томъ смыслѣ, что и каждому человѣку, сколько-нибудь возвысившемуся надъ непосредственностью животной жизни и не затянутаго тиной пошлаго существованія, приходится останавливаться на распутьи, гдѣ перекрещиваются, расходясь въ противоположныя стороны, два направленія, чтобы сдѣлать рѣшительный выборъ между ними.

Моменты этой искусительной борьбы на распутьи жизни извѣстны общечеловѣческому сознанію и отраженіе свое находятъ въ міровомъ художественномъ творчествѣ. Такъ, древній Продикъ представляетъ намъ стоящимъ у распутья жизни Геркулеса, котораго въ разныя стороны влекутъ за собой двѣ женщины, — одна, называвшаяся Счастьемъ и Порокомъ, и другая, носившая имя Добродѣтели. На картинѣ Васнецова въ музеѣ Александра III изображена борьба русскаго витязя: ѣхать ли ему на сомоотверженное служеніе святому дѣлу — „заложиться за князя Володиміра“, „постоять за вѣру христіанскую“, или же пойти туда, гдѣ „богату быть“ гдѣ „женату быть“.

И — замѣчательно — какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни насъ удовлетворяетъ и очаровываетъ такой только выборъ жизненнаго направленія, гдѣ мы видимъ, что человѣкъ настоящую цѣну отдаетъ Безусловному и не ставитъ на его мѣсто условное. Это нужно сказать и о всѣхъ тѣхъ случаяхъ выбора пути жизни, гдѣ Безусловное понимается не надлежаще вѣрно въ объективномъ отношеніи. Такъ, мы находимъ обаятельнымъ героизмъ юной служанки, христіанской мученицы Блондины, которая своею терпѣливостью истомила цѣлое полчище солдатъ и среди страшныхъ пытокъ думала не о томъ, чтобы спасти свою жизнь, а о томъ, чтобы жестокия мученія не поколебали вѣры 15-лѣтняго подростка — христіанина Понтика; но трогателенъ для насъ и поступокъ Антигоны, которая захотѣла лучше „умереть до срока“, нежели

нарушить „вѣчныя божественныхъ законовъ, не писанныхъ, но вѣчныхъ, и не вчера рожденныхъ, не сегодня, но правящихъ всегда“; величествененъ въ нашихъ глазахъ и образъ Сократа, утверждавшаго, что „поступать беззаконно и не повиноваться лучшему, — человѣку то или Богу, — есть худое и постыдное“, и что самая смерть несравнимо лучше беззаконной жизни.

И тайна величія всѣхъ этихъ и многихъ другихъ подвѣчныхъ имъ героевъ заключается въ томъ, что они „не преклоняли колѣнъ предъ Вааломъ, не измѣняли своимъ убѣжденіямъ ни изъ-за житейскихъ выгодъ, ни изъ-за почестей, ни даже изъ-за страха смерти, — по мѣрѣ силъ и разумѣнія всѣ они, хотя и каждый посвоему, служили не людямъ, а Богу, — не твари, а Творцу“. Сила же, вдохновлявшая великихъ людей на ихъ безсмертные подвиги, исходила, несомнѣнно, изъ ихъ вѣры въ абсолютную цѣнность той правды, которой они служили. Могучая сила вѣры неизгладимыми чертами изображена въ посланіи къ Евреямъ, гдѣ ап. Павелъ говоритъ о тѣхъ, которые „вѣрою побѣждали царства, творили правду, получили обѣтованіе, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись въ немощи, были крѣпки на войнѣ, прогоняли полки чужихъ; другіе испытали поруганія и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепидываемы, подвергаемы пыткѣ; умирали отъ меча; скитались въ милотяхъ и козыхъ кожахъ, терпя недостатка, скорби, озлобленія. Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли“ (Евр. XI, 33—34; 36—38). Громадное значеніе вѣры въ дѣлѣ реализаціи возвышенныхъ идеаловъ подчеркиваютъ и всѣ, кто вдумывается въ движущія силы человѣческаго творчества. Вл. С. Соловьевъ говоритъ, что „жизнь творятъ люди вѣры“. Проф. Соколовъ въ специальномъ трактатѣ „О вѣрѣ“ пишетъ, что „вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ вѣра, воплощенная въ событіяхъ“. И все во-

обще теоцентрическое направлѣніе жизни характеризуется присутствіемъ въ немъ именно непоколебимой вѣры въ существованіе абсолютныхъ цѣнностей, связанной съ благоговѣйнымъ преклоненіемъ предъ абсолютно-цѣннымъ, и неустанною дѣятельностью, направленною къ реализаціи абсолютныхъ цѣнностей въ жизни, въ силу чего теоцентрическое направлѣніе можетъ быть названо еще *абсолютистическимъ*.

Наоборотъ, противоположное теоцентрическому направлѣніе жизни не знаетъ абсолютныхъ цѣнностей, не вѣритъ въ нихъ. Оно знаетъ цѣнности лишь условныя, служащія средствомъ для удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей эмпирическаго человѣческаго я, а потому оно можетъ быть названо еще *релятивистическимъ*.

Къ чести русскаго народа необходимо констатировать, что послѣднее направлѣніе никогда не пользовалось съ его стороны симпатіями. Показатель этого — зеркало жизни — литература. Изъ нея мы узнаемъ, что ограниченность, мелочность и пошлость жизни, являющіяся результатомъ отсутствія въ ней возвышенныхъ и абсолютныхъ идеаловъ, рѣшительно и часто до страстности гнѣвно осуждались всѣми корифеями русской литературы. Эту ограниченность и пошлость Пушкинъ презиралъ, Лермонтовъ пылалъ къ ней неудержимымъ негодованіемъ, въ Толстомъ она возбуждала отвращеніе; Гоголь безсходно скорбѣлъ объ этой пошлости, Чеховъ тихо, но глубоко грустилъ. Только такія именно чувства и можетъ вызывать жизнь, гдѣ нѣтъ святыхъ, нѣтъ Бога, а остались только „красота, богатство, крѣпость тѣла, сильное родство въ обществѣ и т. под.“ (Платовъ).

Въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ релятивизмъ становится нигилизмомъ. Но опять-таки къ чести русскаго народа нужно сказать, что нигилистовъ, какъ обычнаго явленія, какъ типа, у насъ даже нѣтъ. Достоинно примѣчанія, что художественный типъ нигилиста хотѣлъ дать Тургеневъ („Отцы и дѣти“) въ лицѣ Базарова. Но напрасно мы стали бы искать

въ этомъ героѣ послѣдовательнаго нигилиста, потому что онъ, при всемъ своемъ релятивизмѣ, никакъ не могъ побороть въ себѣ возвышенныхъ проявленій романтизма. Даже нигилизмъ панегириста Базарова (Писарева) долженъ подлежать сомнѣнiю, ибо къ разумному труду на общую пользу онъ призываетъ, какъ къ чему-то священному*). Если уже гдѣ можно видѣть настоящихъ нигилистовъ, такъ это у Достоевскаго. Но — nota bene — что это за люди? Способны ли они возбудить хоть каплю расположенiя къ себѣ? — Старикъ Карамазовъ — это человѣкъ животное, ростовщица Алена Ивановна — человѣкъ звѣрь, Ставрогинъ и его пародiя Петръ Верховенскiй — не болѣе, какъ бѣсы въ человѣческомъ образѣ...

Итакъ, абсолютизмъ или релятивизмъ? — „Видите ли, господа, — отвѣчаетъ на этотъ вопросъ у Достоевскаго искреннiй Димитрiй Карамазовъ своей характеристикой одного изъ послѣдовательныхъ релятивистовъ-нигилистовъ, — мнѣ не нравилась его наружность, что-то безчестное, похвальба и попиранiе всякой святости, насмѣшки и безвѣрiе, галко, галко!“ ..

Такое же впечатлѣнiе долженъ вызывать у всякаго сколько-нибудь здороваго человѣка и самый релятивизмъ, какъ цѣлое направленiе жизни.

Н. Волж — нъ.